

В. Шулца

Рассказ для Бруно Шульца

Мы всегда — по крайней мере имея дело с сочинениями — оказываемся в шутках со временем: что-то ведь остается в самой первой фразе от в самом деле первой фразы — когда она была первой и как-то начинала текст — предшествующее же ей заглавие не имеет к этой начинающейся истории ничего общего. Право же, это даже не школьный курс для начинающих сочинителей, а такая странность, тоже, впрочем, не странная — по логике вещей, заглавие надо выделять курсивом ли, еще как — прописными буквами красной строкой в тот момент текста, когда оно, а если было не так — и дописывать, дописав называть не надо — когда оно возникло.

Зная заранее — даже не зная последующего заглавия — понятно, что начало будет решительно не в ладах с ним, по опыту и потому что повод к тексту не стоит ни в какой разумной связи с возможностями изложениями некоего нехитрого концепта; посыл заведомо превосходит все, что можно из него выжать — что означает лишь возможность каких-то дальнейших приключений; нам, в сущности, нет нужды что-то высказать — не упустить лишь ситуацию когда говорить: высказать — это почти как купить — следственно пусть и под твою надобность да не тобой сделанное и к тебе лишь по потребности принадлежащее.

Текст первоначально исходит из предположения о городе — связанного с возможностью — точнее, с фактом, существования хозяев города: не в официальном либо неформальном смысле, это что-то другое — мы еще об этом наговоримся.

Есть странная вещь, связанная со временем, и с городами — когда начинают пропадать их части — возникают новые: все это может быть отнесено к деталям, к части вам, так в Риге на центральной улице в промежутке одного квартала — от Петрудинской до Столбовой в начале сороковых, кажется, кто-то выдумал украсить город люминесцентными, синими звездами — повесив их на провода поперек жода улицы — по вечерам они светлись, висели поперек — рядов так штук десять-двенадцать звезд по пять в ряду — они — с тех пор не ремонтируемые, лившиеся каким-то естественным ходом — от ветра, от соскочивших штанг троллейбусов, возможно, постепенно уменьшались в числе — но еще и теперь, в июле 89 года их существует там несколько штук — тем не менее, со всей уверенностью можно считать, что в городе они пропали уже к началу восьмидесятых — когда, ручаюсь, их было почти в полном количестве. Они отменены, что ли, во всяком случае о них заведомо забыли.

Обратно — в самом деле, наоборот — многие дома, преимущественно деревянные в городе теперь порушены, на их месте разбиты либо скверы либо площадки для машин, либо иная застройка — тем не менее — что не зависит от конкретного времени их исчезновения — на их новых местах по-прежнему продолжают стоять — при мысли о соответствующем районе — дома старые — что, следует отметить, не связано с каким-либо конкретным воспоминанием думающего о них человека, поскольку такие же снесенные — и не в самых отдаленных районах, и не давным-давно — уже полностью замаскированы новостроем.

Существенна их группировка в отдельные комплексы и сам характер их исчезновения. Если говорить о Петровском парке, например, теперь в городе почти не существующем, то следует вспомнить — когда он еще существовал — конец пятидесятых

В конце пятидесятых парк, непонять теперь почему, был чуть ли не центром города – временным центром, точнее – предновогодним/вряд ли рождественским, тем не менее, возникала какая-то не очень смутная связь с текстами книжными: те ерь, шрочем, нельзя установить источних их возникновения, всего этого не то немецкого не то просто обобщественно-нежного невысокого уюта. То есть зимы, какой ее можно увидеть – потому что уменьшенную – через окно, на рстоянии через темную пустошь /двор, площадь, просто пустырь/, освещенную вдалеке желтым светом – как бы вразбивку. разумеется, из окна, потому что не холодно, потому что снег лишь как свет и скрип/. В предновогоднюю неделю парк становился таким небольшим центром – одним из многих, вернее всего, поскольку толчеи особенной там не было. Был такой довольно вытянутый – скорее всего в никуда, очень длинный, в бесконечность – узенький прямоугольник света, от тех же электических лап, горевших здесь внаслест /а бесконечный потому что дойти до его края не удавалось – по малолетству, видимо/. Были всякие дервянны постройки, надо полагать – киоски-лавочки, с чем – уже понять трудно, какая-то переносная фанерная фотография с овалами дырок, врисанными то ли в самолет, то ли в верблюда, елка, разумеется, гирлянды, какой-нибудь кучам "с новым пятьдесят ^{сиделки - башки - шарики} каким-то годом/!", прямоугольника пруда тогда не было. Торговля-развлечения /то есть, там были, видимо и всякие горки, может быть качели? – хотя, зимой?/ начинались от створа Триумфальных ворот, без которых, видимо, состояться бы и не могли.

страница два: в конце пятидесятих парк, и потом он исчез.

Он остался как бы исключительно в форме переживаемого воспоминания — тем более четкого, что сам объект воспоминания — при его наличии в городе — решительно исчез.

Во фразе, скажем, заново родился — которую можно вполне ненасильственно привлечь к рассуждениям о подобного рода процессах — что вполне по бытовому, не предполагая под собой никаких кармических происшествий — довольно лишь представить себе подобную фразу в бытовой обстановке то ли после бани, то ли сменив семью — означает, тем не менее, еще и умереть накануне. Не сильно умереть — иначе сам бы факт генового рождения не мог бы быть соотнесен с предыдущей жизнью, тем не менее, какая-то небольшая — чуть, разумеется, больше чем подстричься или обрезать ногти или удалить зуб — смерть произошла. В этой вполне обиходной лексике, а, следовательно, и сопутствующем ей вполне обиходном происшествии есть нечто от марксизма переходя количества в качество с откупориванием некоей замкнутой дверцы: что-то, словом, таки обломилось наконец. Девясть есть — в силу непрерывности процесса жизни какая-то непрерывная физиология.

Если, в конце концов заново родился, то, как минимум, отчас и видишь заново. То есть — какая-то очередная — жизненно не вполне важная жизнь / так бывает, смерть, не еживаемая внутри жизни, а не устраняющая — в своем количестве саму оставшуюся лишь влачиться после нее жизнь — жизнь / отстегнулась, тебя, значит, стало меньше, все вокруг заметно увеличилось, и паки вдруг оказывается куда выше чем был накануне.

возможно, при этом куда-то отстегиваются от нас истории. *Но не нам в них охоту совать* "е следует думать, что это эрзацы отвалившейся жизни, ничего, конечно, подобного — но все равно, путаются уже истории действительные с присочиненными подробностями на ровном месте. История не хочет никого / с маленькой буквы / лишь себя. Это как вода в невесомости скручиваться в шарик. Или на вощеном лите лежит тоже почти как шарик, линзочка — если на нее упадет луч солнца, она сначала проджет лист под собой, лишь потом испарится. А на промокашку ее не хватит, так, овальная какая-то сырость. Их, похоже, нельзя трогать. То есть, когда история, то нельзя быть собой, а то она всосется и не поизойдет.

Но когда часть горда покидает хозяин — можно представить хоть участковым милиционером, строжем, статуей сторожа — рассыпается: ничего не прос ходит с частью города, за которую он отвечал, кроме того, что она перстает существовать наяву, в быту. Новостройки становятся единственно возможным заполнить рем этого места, раньше тут и не было ничего: парк, скажем пропал, хотя буквально в квартале от него продолжает существовать стадион, на месте которого теперь стоит здание ЦК.

Словом, выходит так, что существующий, живой хозяин держит город в виде когда он его принял — сохраняя для зрения пешехода даже снесенные здания: после его исчезновения город моментально теряет все свое тело и переступает в город — то часть — представляемый, содержимый следующим хозяином — он то ли дрожит некоторое время в недоумении — и неинтересен — пока новый хозяин не объявился, он, скажем, интересен новоприбывшим только своими магазинами и местами куда можно упрятать какое-то свое время. Он, можно сказать, не дышит — точнее — дышит как-то рационально, раздумывая над каждым дыханием своим, как бы балуясь пр наяму.

Начная по минимуму у допущений, следует предположить статистику: многочисленность участников, перевешивающая в своем мнении то туда то сюда, в какой-то стабильный перевес лишь обстоятельностью чьего-то одного, скажем, голоса — это немногий перевес участвующих в процессе тем не менее, устанавливает свою разграфленность, вырабатывает

Визуальная картина слав дыхания

тут точки сгущения, точки распределения нового и интереса: как какая-то безмозглая, по сути, самоорганизация - дающая в результате стечения приблизительностей вполне жесткий, надолго характер - сменить которого - в следующий раз сумеет все та же статистика: вы рав так или иначе, как налог на дым, от всего населения отдельных - попавших в эту переделку как на порку каждого девятьсот семьдесят девять - го - каковых, впрочем, при общей численности, наберется не менее тысячи - которые, разумеется, тем более, при подобной численности, не смогут быть оповещены о свалившейся на них ответственности - у них все валится из рук, жизнь не удается - потому что у них как бы вторая - и более серьезная чем первая работа, о которой они и не знают, а сил она забирает побольше чем первая и они вымотаны, все валится из рук и и жены подозревают неверности, и начальники - в халтуре на во/

Либо другой вариант - они особенные, тяготеющие к люмпенам - любой рижанин без труда вспомнит о привычных на улицах города персонажах, иной заботы у которых, казалось бы, и нет - кроме как быть тут на улицах - отчасти полусумасшедших - что, в отсутствие у них агрессивности - предполагает просящую о иной, несколько непривычный способ деятельности. Равно как каждый вспомнит при этом и почти персонифицированных, тяготеющих к школам олигофренов - теперь, впрочем, они почти не появляются на улицах - не считая часов сумерек - особенно летних, когда они выходят, сидят на ступеньках, на каких-то приступочках, даже, кажется, разговаривают друг с другом - хотя, очевидно на разных языках, как, вероятно, могут разговаривать друг с другом спортсмены разных дисциплин одного в да спорта разных стран, осознавая какой-то частью своего позвоночника, что вот-вот должно произойти что-то продолговатое, что их беспокоит - находясь вне семантики и культурного слоя - они не знают и не знают почему и что и, тем более, зачем - что-то как-то происходит, являясь для нас чуть ли не переносом нас - как в кино - лучом света четырехгранной пирамидкой света, внутри которой мы полагаем себя самостоятельными и объемными. Это предположение возможно, верно - у ушибленных не может быть отнято что-то по отношению к нам, - в предположении об их хозяйничестве, ибо иначе они выродились бы в банальных сверхлюдей, вероятно, оставивших бы нас насовсем и ушедших бы жить куда-то в сторону.

Не следует, также, выпускать из виду и стеклянных людей, они действительно стеклянные: либо из гладкого, старательно отшлифованного хрусталя - в предположении - невронном, впрочем, об их искусственном устройстве: гладко вылизанного - полость сохраняющая всю физиологию человека, лишь стеклянную - хотя и мягкую и прочную - насквозь, видима лишь в дождь - из гладкого, толстого стекла, без ресниц, конечно, и волос. Они живут неизвестно где. Кто они неизвестно, о них почти ничего неизвестно.

Все они - если упустить из вида и не думать об этом - о варианте какой-то дурацкой самоорганизованности - знающей, однако, видимо в каких-то точных точках города, его боках - обладающей знанием местной семантики, предполагающей определенный разбор в своих действиях, иначе говоря, сближающейся к некоему верхнему руководству допустить которое трудно, поскольку эти отдельные почти как шахматные ходы, перемещающие, передрессирующие город - слишком не в ладу с тем, что мы могли бы ожидать от силы, обладающей знанием наших семантик и не столь определенно и дискретно выделенно вступающей с нами в разговор - прося о иных повадках: как и любые повадки, впрочем, требующие наличия группы объектов - скорее всего людей, предлагающий намерение повадки в ее саму.

Мы, в сущности, очень мало знаем о зернышках, о каких-то плотных окружающих нас сгустках - чья цельность и содержимость окружающего в понятиях, дисциплинах и терминах слишком очевидно, чтобы полагать ее лишь игрой случая - в любом случае - случая на уро-

и нашей случайности — по отношению к которым — вынося ее за скобки, мы оказываемся в строго детерминированном мире, но мы вовсе не в нем.

Сгустки подобные могут иметь под собой обоснования их — опять таки — статистической встречаемости, а также изначальной данности, как все, что связывается с физиологией, что, в принципе, может продолжаться — каковы рассуждения могут протягиваться куда угодно далеко — в области лишь в далеком своем предисторизме имеющем основанием физиологию. Таким образом, скажем, к физиологии может быть причислен сгусток "знать что либо". Таким образом статистически либо физиологически может быть обусловлен сгусток "профессионализм"? Тем более, если и обращаться не к профессиям, имеющим смысл реализовать те или иные в самом деле физиологические потребности организма, включая туда — уж для счета, чтобы не заострять и внимание и потребность к роскоши? Но для прокорма профессионализм избыточен: пусть даже внутри данной государственной структуры — и, если это физиологизм, следствием, ответом минимальный шанс на ее здравость — что, однако, опровергается простым рассуждением о профессионализме не в выбранном узком роде деятельности, но профессионализме в жизни — среди каковых профессионалов естественно предполагать и представителей профессий, чья семантика и назначение нам неизвестны.

В государстве, где всякий почти в жизни не профессионален и ждет откуда-то своего одобрения, руководства и даже нового, красивого и тренированного тела вместо по ошибке до сих пор вылого и лишнего в двух тельцах своих, профессионалы отличимы особенно хорошо: подобный профессионализм не полагается необходимым качеством, подобное поведение не сводится к таковому лишь с точки зрения прикидки в общих приличиях — и наличие всякогда из них дает понять его реальный — тут же без всяких сложностей, профессионализм, а не простоследование распросраненным в обществе обычаям содержать себя. Профессионализм этот куда более свободен для тела, нежели униформа или даже манера ношения собственной головы: такие встречаемы мало — это, так сказать, примеряясь к обыденным теминам — элита — они могут оставаться таковой — лишь изменившись или — по инерции, затвердевая в профессионализме, который — будетих окажется много, позволить изменить общие нравы чуточку в сторону западной европы — затвердеть в профессионализме, сходя в образ — потому что этот приобретенный профессионализм для них был лишь результатом почти случайного стечения каких-то смутных обстоятельств и реальными профессионалами они оказались, оказавшись профессионалами в какой-то смежной, но очень требовательной к общему характеру профессии области: ухватив свой род деятельности какобраз для себя: не сделав его самостоятельным, в виде необходимых предпосылок к какой-то дальнейшей, последующей профессии — в которой на профессионализм жизни в быту уже нет времени обращать внимания, но он все равно никуда не девается, остается: когда, скажем, они очухиваются от дел, в пределах бытовых общений. Таким образом, другого пути как продолжать быть профессионалом в жизни как стать нелюдью нет: нелюдью бытовыми — открывая бытовы, хотя и, казалось бы, смешные, но реальные трагедии — они не любят людей, и что могут поделать — так человек на дух невыносящий славянофилов ничего не может поделать, чтобы перестать быть русским /кто, в конец концов к оме русског в состоянии понять славянофилов до степени не выносить тех на дух?/

Таким образом, все разворачивается в какую-то неминуемую процедуру ухода: и нет времени ни у кого, чтобы заняться обзором остальных, ничто не намекает на возможность существования подобных, специальных людей — не перешедших эту смутную черту, куда уходят профессионалы — профессиональные хозяева города — не сменив, не отвергнув от себя это профессию стали бы неминуемо видимы на его улицах как дворники, ходящие и подкармливающие город

с такими людьми встечаться ой-ей-ей, у них прекрасная память, это как сказать — если бы хирурги обязаны были бы сюда ходить с саквояжником с полным набором своего хирургического инструмента, и операционный стол там же и эта многоглазая лампа: неведомо, на что в разговоре с ними нарвешься: что за охота попасть на операционный стол, установленный на перекрестке — а не испитки, наконец, никакой и голый, и зеваки.

Все это приводит к обящательным сноскам на своеволие времени: которое то ли отмеряется квантами и спичечными коробками, на время, содержа в себе стуски, виственные теперешнему кванту, и - через границу - поступаая такое же, но лишь с какими-то частичными изменениями, отменив один, присоединив новый стусток, полностью лишая нас преемственности - надежности реальной преемственности, что, однако, просо опровергается лишь только тем, как внезапно натягиваются - хотя бы внутри поэзии - отдельные предметы, и обвисают, скукоживаются другие: не исчезая моментально, постепенно, нарушая саму возможность предположения о возможности граицы: одним из таких предметов стала теперь безопасная бритва, ее лезвийце, неминуемо должно возникнуть и в городе - трудно постижимым образом ее проявления в таких крупных масштабов, или в разломанном яблоке граната - на разломе, стальные, окарашенная стекающим по ней соком, с проросшими через дырочки в ней рубиновыми ягодами.

Можно предположить, конечно, как демонтируются подобные стуски:

как растворяется облако: от команды облаку раствориться происходит ощущения связи собственного пупка и центра облака: точки, в которую собраны все связи - видимо, со всякой молекулой воды в облаке: центральная точка распускает все свои пальцы, молекулы еще вместе, но начинают - освобождаясь от инерции - постепенно расплываться по сторонам: своими стусками еще белого - холодного цвета: в окружающем воздухе - не держась вместе, не отражая совместным белым солнечных лучей они теплеют, становятся водой, каплями падают вниз и, метров через пятьдесят полета, превращаются в воздух.

Все это не имеет смысла - как тема для рассуждений, потому, что - совершенно, разумеется, неожиданно - недопуская при том нр малейшего оттенка физиологичности и последействия, и вообще, какой-либо закономерной временной, последовательно-ступенчатой преемственности, когда по копеечке дособирается до рубля и так далее - возникают стуски новых тел и тем - как, скажем, стустко нежной музыки, скопившейся за неделю возле поребрика из окон напротив. Начинающиеся в начинающихся сцмерках разноцветные и разноразные игры с веществом, от переработки оного до, хотя бы, упоминания всеу, до вкушения его в неожиданном - непредумышленном, незамечаемом ранее сломе-изломе: одразующем расщелинку, - куа совать руку и шарить наугад более всего опасаяся не зубов там даже, а ее быстрого исчерпания. Так вот, Бруно Шульц. Представим себе

хотелось бы думать, грешить на время — и эти совпадения, которые и не совпадения и вовсе не плагиат, и сама возможность такого темпа и варианта как досочиненка — когда внутри времени — кккого-то куска нет ни предшественников ни последователей, все — пусть жаде заимствуя и отталкиваясь — работают самостоятельно, а потом, что то происходит и все последующее становится явной досочиненкой, но — когда возникает грань, когда возникает некто неизвестный, с реальным временем давно исчерпанным — которому ту, вроде бы делать нечего: а он есть и ни с кем ни связан и время его давно прошло, настолько давно, что он уже и умер — не посылая доселе никаких сведений о своем существовании — его, в гипотезе о времени нельзя было бы услышать. Либо — спасая положение — это другое время, относящееся к другому телу, живущему другими мыслями — которые — какая странность, — почему-то понимает тело это. Итак, Бруно Шульц. Представим себе

трое господ, одетых ровно не по господски — по летней погоде, учитывая при этом, что один из них одноног, на двух летнейе, видимо, формы костылях, другой кошка, третий же, судя по всему, Бруно Шульц, участие которого тут не всеобъемлюще — скорее с совещательным голосом, что ли / на этом углу, впрочем, вовсе не собрание, а встреча, так что подобное ограничение в правах / малосущественно/, что до Шульца, то в ту пору он квартировал у меня, я его печатал в журнале; он вставал рано, я — по возможности — за полдень, уходил он куда-то в город, что-то там, видимо — не взирая на свой совещательный город, в городе перестраивал, перечерчивал, приносил домой сливы — тогда п сезону продавали сливы — начало июля, спал, просыпался к одиннадцати, что-то писал — что понять трудно, потому что по-польски, впрочем, я еду в сентябре во Львов, к его переводчикам, они это переведут; полагаю теперь, что совещательный голос означает, в действительности, много больше, нежели решающий — насочетовать и придумать советов можно всегда больше, нежели решить: это, что ли, такая аристократия среди хозяев — вызванная в его случае лишь его иногородним происхождением не вдавая в какие-то совершенно инерционные и потому на самом деле и не требующие учета моменты. От него остались какие-то наброски, связанные с запахами и рассуждения — напрямую связанные с ними — о вариантах городского барокко — возможного не только в августовском, летнем, плодово-овощном распухании рыночных кварталов и даже не в форме сецессионных измышлений, но в виде запахов...

Плохо - точно - почти никак не зная по польски, приходилось записывать все это на диктофон, говорил он, впрочем, в нос, про себя, дополняя говоримое жестикуляцией - единственные слова, бывшие понятными мне - и которые, разумеется, не будет возможности перевести впоследствии в слова русские. С этим трудно понятным мне режимом дня - он вставал рано, когда я вставал - он уже возвращался - с какими-то сливами или другими фруктами, спал - и уходил потом в самое пекло, когда все вокруг плавилось - в тени было тридцать четыре и выше, он возвращался и что-то говорил - видимо просто о том, что было увидено: когда ко мне пришел коллега, общими усилиями один раскрывал словарь, другая переводила - удалось поймать какой-то кусочек речи, о том, что

Когда август, воспринимаемый уже не через свет и звук, а через запахи: созревшие, просохшие за лето, уже, наверное, и кожей - раскрывшейся, в загаре отшелушившей свой незрячий слой: ощущения тепла, ветра и холода - чем, собственно, тоже не запахи - в самом деле, не осязание же это - осязание воздуха, родственное запахам. То есть запах тени, запах дров, полелниц в центральных дворах, запах холодного железа - из поворотен - от рельсов гнутых, в углах подворотен, с тем, чтобы не обить углы - все равно обиваемые: чугунных невысоких оградок, отделяющих небольшие дворные газончики - они заставлены поленицами, невидны, но из какой-то мурвазии запах проникает сквозь просветные щели в поленицах, а также запах сырости из погребов, вырытых в центре двора, а не минус первым этажом домов: вариант барокко в городе можно описать и не связав его с посещением рынка - разбухание запахов, повторяющих - если суметь принюхать - очертания самих предметов и, совершив обратное действие - можно увидеть предмет - ветер, предмет вечер предмет сумерки, предмет желание.

И, видимо, многое было докинуто до него при переезде, во всяком случае там были варианты еще разноцветного воздуха, выходящего из разнообразных духовых инструментов, какая-то паутина, какая-то электрическая летняя проголодь что-то о лампочках, которые наливаются электричеством как соком.

Шульц, несомненно, во время своего летнего визита был таковым хозяином, что могло бы стать поводом для каких-то противоречий — но нет, он был таким же хозяином как, скажем, пришедший электрик является хозяином электросети в квартире — перевозку его существование тут в столь неудобный для наших взаимоотношений пример — это то, что сказать ему мне не пришло бы на язык: есть люди масштаба такого, что оказавшись где угодно они не в состоянии примерить на себя роль иную нежели хозяина места, куда они пришли. Другое дело, что для остальных это их хозяйничанье и выльется в какую-то локальность телевизионного мастера, заезжего воздухоплователя на цветном шаре. Все равно, кто знает, каким город окажется завтра, через неделю после Шульца /просто после Шульца — не уточняя после его появления или ухода, после чего-то что произошло и дает основание сказать — после Шульца/: ес и даже простой факт банального воздушного шара или слона на центральной площади означает куда больше, нежели просто шар или слон; мы, в сожалению, наверное, не можем говорить о толчке, шагу города к его внешней — изначально, скажем, гармоничной или идеи, поскольку в нее, очевидно, Шульц не был встроены изначально — его же полуслучайное возникновение ликвидирует все возможные мысли подобного рода — если, впрочем, не быть уже до абсурда детерминистами и приписывать этому мнимому — во всяком случае для меня плану уже заведомое знание о том же, например, шульце, его манере выплевывать косточки через окно, на трамвайные пути, почти болезненной пистрастии к запахам — какшевелились его ноздри, когда ко мне в гости и обычаю заходила моя коллега и разговаривали глаза, точно он и был каким-то таким механизмом, работающим исключительно на запахах. В ощем, хочу сказать, что мне менее всего будут заметны изменения, связанные с появлением шульца — в моем, частном горде, они уже произошли и мне трудно будет увидеть возможные — мало возможные, по моему — не-изменения в самом городе, вызванные нахождением Бруно тут. Если все же пытаться говорить о подлиннике города — то, видимо, имеет смысл говорить лишь об устройении подобного подлинника когда-то в последствии, уж и не знаю как будет все там и р путано, хотя, конечно, интенсивность его жизни настолько невелика, что он допустит собрать в себя в нормальном времени все, с ним происходившее — усилить свойственную ему интенсивность жизни и, возможно, перейти в какой-то иной разряд городов. Что, может быть, связано и со старостью какого-то особенного рода, когда все, находящееся в памяти уравнивается в правах с происходящим непосредственно на сетчатке.

Таким образом, тут нет ничего странного, что после Шульца в городе принялись появляться птицы, названия которых никто не знает - независимо от их размеров, они разные, черно-белые - черные в сложенные состояния, белые в полете, глядя с низу, с цветными клювами; птицы с двумя парами крыльев, невеликая птичка размером чуть больше воробья в миниатюре повторяющая двуглавого имперского орла, оставляющая за собой - пролетев запах корицы. Здесь - во всяком случае, нет загадки в источнике их происхождения - разумеется, Шульц, куда сложнее с хшзяевами, имеющими долговременное отношение к горду - внутри которого они и оказали возможность оказывать влияние на него - левую границу этого влияния уловить крайне сложно.

Вновь, помимо воли и обстоятельных доказательств отсутствия возможностей чьего-то отдельного и целенаправленного хозяйствования оказываться в пределах гипотезы о подобных людях, с удовольствием противореча себя на каждой фразе: единственным с особым разрешить противоречие возможно их не разделяя - той ли самой бритвой - в сущности, очень трудно понять - не специалисту - когда артериальная кровь переходит в венозную. Единственной спасающей примирающей гипотезой здесь возможно предположение о том, что все эти противоречия и порождаются самим полем, на котором они протестуют друг против друга: то есть о мозге.

В конечном итоге, любая гипотеза о любом ступенке реальности не имеет шанса быть проверенной на правдивость, если в ход рассмотрения не будет впущены сами обеспечивающие ее осознание мозговые устройства: для нас, в сущности, вовсе не важно - что он: сам по себе, применик или сустав: можно рассматривать все происходящим лишь внем сводя все возможные причины и следствия, мотивы и исполнение законов к отдельным - смутного - в который рах характера происходящих в нем процессов: для нас, разумеется, вовсе не важно - все, что кроме мозга: будь то вещи происходящие вне нас или внутри.

И этот голубой - возможно - гипоталамус в сиреневых прожилках - регулирующий насыщенный всяческих человеческих потребностей - к старости, говорят, он расслабляется, как бы разрыхляется, не может вовремя сообщить о наступлении насыщения, от этого люди к старости полнеют. У них полно забот - у гипоталамуса, таламуса, мозжечка, гипофиза, у коры, любого нейрона - обслаживать этот проходной двор - и отслеживать и заставлять реагировать все тело на поведение случайных его постольцев, и заставлять голову кружиться, рот говорить, а глаза плакать, столько забот, господи, и непонятно, что в нем удивляется например - крове лицевых, упруго отреагировавших мышц, и что в нем знает что именно происходит и каким червячком теперь изогнулось время и все эти телесные заботы, им осуществляемые - воз можности и свободы им предоставляемые нам - кажутся милосердием, своими чернорабочими заботами освобождающий нас от бытовых забот - позволяя нам счастливыми праздными не знающими труда в своем теле гнать по трубочкам кровь, ни пер варивать пищу, ни заботыться о ее расщеплении, ни каждый раз не выдумывать заново буквы, оставляя на нашу долю только страдать, веселиться искать где-то на стороне Бога, несчети чужь - лишь когда разговор заходит о нем самом - слова кончаются - хотят кончиться на половине, Ра, смотрящийся в очи свои: мозг, занятый рассужден ем о себе похож на сумасшествие случайной шаровой молнии в пусток, сплошь зеркалах комнаты, все зашкаливает, ничего непонять - мозг, думающий о себе.

Выводить куда-то в центр его - уже, наверное, не таламусом и прочими/Интерсны сами названия его - они все на иностранном - трудно, впрочем, представить себе возможность именовать его составные части способом слов, имеющими иное значение в русском языке: мозг, в известном смысле, получается для нас заграничной штучкой -

Мозг - это центр управления

за исключением, быть может только несколько обрусевшего мозжечка: он какая-то заграница, даже в своей физиологии тем пачем разыскать в нем, да еще по имени, тех, кто предоставляет нам имена и знания о людях, о которых мы сочли необходимостью подумать - подсовывая по своей воле и какие-то по своей воле: какая-то сложная компания существ, обслуживающих вторую с гнальную систему, память и прочие кунштюки, сам же факт их существования весьма схож с наличием животного мира в какой-то очередной среде: как в четырех известных стихиях обязательно наличие животного мира, за исключением лишь огня, который оказавшись в меньшинстве не может нарушать общего правила и, очевидно, имеет в себе обитателей и помимо одиноко живущих внем саламандры и феникса - чье пребывание там несколько гардеробно. озг, очевидно, является стихией. тем самым допускающей свое переустройство разумными усилиями людей.

Разумеется, мы можем чуть-чуть ощутить возможную плотность и свойства этой стихии - понимаемые как самостоятельные, а не мешающие отчего-то в нашей обыденной деятельности - вносящее в нее изменения, раздрай: находясь в стихии, которая автоматически ступевывается при любой иной стихии мы можем понять ее свойства лишь будучи в условиях нахождения только в ней - то есть во сне откуда становится понятным причины осуществления подобного барьера - сны разделяются по своим плотностям и повадкам: есть сны глядя в затылок, в фас, в профиль в чтри четверти - последний сорт снов по странному сближению чем-то похожим на что-то мелькающее не во сн, отвечает, видимо, са ой стихии мозга: этот сон стихия - столь парадоксально: проявляющая себя во сне, и казалось бы полностью внутри стих и мозга заставляет чувствовать тело как редко когда наяву - до последнего пальца. Наяву же подобная плотность среды возможна либо в драке, либо в некоторое эротические мгновения непосредственно не связанные с жадой и медленного сем извержения. Такую же плотность поставляют и артефакты, впрочем.

Стихия отличается крайней обустроенностью: содержа в себе все известное живое, она содержит все вымышленное - ч о становится сомнительным определением по отношению к существующему внутри нее - на знает еще что-то - в своей необустроенной - части, смысл же обустроенной - заключается что ли в переходе в необустроенную: наяву же - для глядя извне стихии - необустроенное представляется областью другого мозга. Нам не важно - мозг ли это. Приемник, мешок или сустав - понятие стихии позволяет устранить эти мелкие разборки. В конце своей невыявленной части она может знать о себе ничего и в результате этого незнания выходить в другую стихию не поддерживаемая сгустком осознанного выходить за пределы стихии переходя в стихии остальные. как в неизвесную пустошь за городом.

Устройство нового м зга - чем заняты все мы - про есс странно коллективный: это бесконечный приход волхвов с дарами: суть даров заключается в забывании их дара: когда от сути дара остается лишь даритель, заключающий в себе - как стражник - скорее как просто так - он мог бы и уйти, впрочем, в этой сихии очень странно с расстояниями; каждый из дарителей - кем бы он ни был в иной стихии - безусловно чист в своем даре: он, по сути, дарит самого себя: сп ктральная чистота, профессионализм в реализации вещества - конкретно при ущему данному дарителю.

в отличие от звуков — которые просто не затухают, полностью — болтаются бесконечно возле и для своей интенсивности — но их много, и они становятся вроде войлока — в спектре звуков по частотам и вкусам, произведенными привычными инструментами: над войлоком можно выставить свою голову: там будет странная тишина, при том что звуки — существуя во всей разноголосице будут ниже — как вода в которую, вероятно, погружен телом. Видеть слышувая об истощенности принятого способа — способов извлекать звуки: требуя каких-то звуков новой музыки с использованием меда, музыки, создающей какой-то объем она как-то отделенная и равносущестующая вся сразу — отличимая, тем не менее, на ощупь: в отличие от текстов, вступающих в момент его новой определенной частью и как отчужденность более не воспринимаемых

— 80 —
когда что-то меняется — ничего не происходит.

Через какое-то время — через какие-то шаги, тело хочет жить полностью в стихии мозга. В той стихии, которую дидактически отождествляем с мозгом.

Известна форма жизни там.

есть текст называемый пребывание его никто не читал потому что он относится к заколдованным текстам
почему нельзя читать заколдованные тексты если текст заколдованный значит его можно расколдовать потому что если он такой то если прочесть все будет получаться с ним как по сценарию потому его нельзя читать

его нельзя читать чтобы не подыгрывать
когда такой текст написан не имеет значения будет ли он прочитан он может быть выброшен

потому что он входит в ту сферу где слово
мы о чем-то говорим и тут же это появляется
все есть и все происходит но не является фактом пока эти тексты заколдованные

есть такой текст пребывание
он уже начал работать

без этой сферы сотворения нельзя потому что каждый человек бросает своих партнеров и уходит на ловлю бабочек Если он уходит один то при нашей жизни он обречен на писание апокрифов
фиксация уже прожитой им жизни опыта

а основные вещи лбого опыта счастье смерть что такое апокриф
это постоянное вращение людей в колесе для белки

потому что все апокрифы они все заколдованы они постоянно рефлексируют доходят до точки нет прорыва Потому что уход одного это самолишение проташить за собой

когда пребываешь никогда не пребываешь один
пребывание требует оглядки разного цвета, то есть смо пребывание может бы в даже не прозрачным, лишь просвечивающим матовым

вернее пребывание состоит в разворачивании оглядывания
точнее не разворачивания а скорее раскрывания как одна за другой в бортах рыбы открываются жестяные чешуйки
скорее сдвигаясь нет отщелкиваясь вообще
и за каждой глаз

пребывание когда глаза смотрят не внутрь себя наоборот
но рыбы нет никакой

притом что из любой точки не-пребывания самого пребывания не видно

вообще-то все эти глаза смотрят уже на то что есть поэтому они вполне несущественны в определении в комментариях к пребыванию каждый такой глаз является словом
текст поэтому должен взаиморазряжать все участвующие в нем слова

партнер при уходе необходим для осуществления пространства паузы являющейся не паузой

в самом пребывании не важна точка откуда смотреть
сейчас нельзя писать комментарий поскольку получается опять заколдованный текст

из ряда материального ряда вещей выделяются только те которые важны для данной социальной группы людей по тем или иным собирающимся в эти группы

на этом построена идея Бога Поэтому ересью считалось всегда то не новый заколдованный текст а расколдовка комментарий к нему показывая кто водил рукой

как только появлялся намек на существо способное создавать такие тексты

партнер также необходим для фиксации выбранного слова
фактически словотворчество определяет является создание этой картины

также есть заколдованная ересь когда объясняют как вылушиваются слова

смысл заколдованного текста пребывание может состоять только в переводе в пребывание

комментарий к заколдованному тексту является заколдованным само пребывание является тоже лишь словом внутри пребывания таким образом оно является единственным из всех слов не уводящих из пребывания

комментарий к заколованному тексту оказывается заколованным может быть заколованным лишь в этом единственном случае это случай когда заколовывает и ересь пребывание как слово плюс любое слово в нем аннулирует оба слова

оно одергивает слова

сам текст о пребывании очень прост и направлен на конкретику там нету улета там не из слова а слово находится подбирается технология такая

есть ряды негетерогенных перечислений

каждый из пяти блоков развернут наружу - как раструб имеется слово голубой

первое слово каждого блока выполняет роль черенка, даже если это не существительное оно как бы существительное это как стебель колокольчика гиацинта с пятью цветками или штука которую со звоном трясут

все вместе осуществляет счет до пяти когда шести уже нет связи пяти блоков не образуют пентаграммы, ассиметрия смысл как бы в определении для человека самой рукоятки в рядах перечислений повторяется какая-то одна фактура текст очень серьезен, если не кончается словом "ля-ля-ля"

не кончается не кончается

это самоотвержение и неприятие того

Бруно Шульц. Пребывание является названием стихии мозга. Бруно Шульц: "Я называю ее просто книгой, безо всяких определений и эпитетов, ни в этом отказе и ограничении - беспомощный вздох, молчаливая капитуляция перед необъяснимостью трансцендента; ведт ни слово, ни намек не в состоянии засиять, обдать запахом, пробежать дрожью испуга, предчувствием этой ~~книж~~ вещи без имени, один лишь привкус которой на кончике языка переходит границы нашего вос-торга."

находясь в этой стихии, как плавающая являешься водой, трудно внести дальнейших различий: мы не знаем, где это стучат. Там или тут. Пребывание сжимается при формировании нового неопределенного/ Бруно Шульцу безразлично - если бы безразлично он не зает где стучат - изнутри или снаружи - произошло ли то что произошло, все это здесь и можно передвигать запахи как вещи, или дышать этими терпкими сгусточками. Пребывание сжимается при нарастании неопределенного - что требует тоски или работы: какая разница мы тут или мы там: но когда оно сжимается, требуется креститься в этот наезжающий мир заново, эта вещь без имени вводит в тоску, если не окреститься в ней: а что крещение - здесь - как бритвой по руке, надрез по телу: а ведь порезаться это что-то вроде надреза по / можно не толкьео ножом, а и стекляншкой, травой, страницей, наконец, На теле возникает какая-то его привязанность, как привиться оспой, что-то сделавшая, теперь - вероятно лишь в привязанность самой метки - привязанность к тому, что кто-то сделал с тобой что-то: неважно что, равно как и неважно почти неважно, что какое-то время - после прививки - уже прошло. Заново крестит любой текст, режет границу.

Текст *когда сам на себе проводимо надрез*

текст это когда девочка и не становишься женщиной. когда присутствует
девственность и нет желания стать женщиной, а если и становишься
то женская жизнь не зависит от него, какой тебя считают — холодно
не холодной, все равно, она не растворяется в чужой, мужской. Это
о состоянии оргазма, потому что женщина все равно к нему иначе идет
... то есть она тут также самостоятельна как мужчина и не подстраива
ется под его ощущения. в неправильном акте всегда есть элемент
искусственности, неестественности. наверное, когда она думает,
что не может выполнить свою волю, свое желание, держит себя
под контролем, просто чтобы угодить. она считает, что это выход.

рана превращается в предельно, в решающую
часть внутри — дело заботливой души моего сердца

рассказ для Бруно "ульца.

волхвов много и дарения их незаметны: что увидит - какой дар воспримет слепец, получив от них глаза - сводимо ли это к дару?

названия - мозговые - очевидно, иностранные, на русском они и не могли называться и сам мозг - кроме мозжечка - как-то уже примиренный, инкорпорированный по страшной любви к нему набор каких-то цветных резиновых фруктов

Драматич. сессия

какое-то сумасшествие случайной шаровой молнии в пустой, сплошь зеркальной / сплошь в зеркалах комнаты - мозг, думающий о себе. улица, переходящая в женщину.

в неожиданном - непреднамышленном сломе-изломе: образующем расщелинку - с шарить в ней наугад, более всего опасаясь ее истощения и одинокий, почему-то проложенный рельс: по центру тшпал как вода смычком по селедке перламутровый звуксмычка по селедке

новый годод - новая проза - новый мозг

капля воды попавшая в вершину пирамидки тонкого помола песка мозг, внутри которого проложено метро я, собственно, пишу статью о новой прозе.

в общем процессе создания нового мозга — он может не быть кем то особенным: стоять в углу, держа воспотевших ладонях кнопку — впрочем, в этом процессе что-то от волхвов, с дарами только волхвов очень много. Шульц

определяя во сне свой фетиш — зверя, лекарство

надо — получается — чтобы тело захотело другого сознания — плотность и исходящего во сне — невозможная — почти тут. Только, скажем в текстах.

напряженность — нащечность. густота.

с проф ессионализмом жизни, куда более свободным для тела чем униформа либо даже манера ношения собственной головы: такие встречаются мало — это, так сказать, элита среди людей — они могут остаться таковыми или постепенно затвердеть в профессионализме, постепенно сойдя в образ — поскольку профессионализм для них оказался результатом почти случайного стечения каких-то обстоятельств и реально профессионалами они были только немножко, ухватив свой вид деятельности как образ для себя: не сделав его самостоятельным, в виде необходимых предпосылок к какой-то дальнейшей, последующей профессии — в которой на профессионализм жрзни тела в быту уже нельзя обращать внимания — нет времени, но это все равно как-то остается: когда, скажем, они очухиваются от дел в пределах бытовых общений. Таким образом, другого пути к стать бытовыми нелюдьми нет. Откуда возникает возможность небольших трагедий — так человек на дух невыносящий славянофилов ничего не может сделать чтобы перестать быть русским /а кто кроме русского — изначально способен понять славянофилов с тем, чтобы не выносить их на дух?/

и в некото не эротические мгновения не связанные непосредственно с жадой семяизвержения — о плотности. Есть как бы сны в фас, профиль и в три четверти — это относится к последнему сорту снов: их примета, среди прочих, трудно формулируемых — заключается в парадоксе — являясь — вроде бы, по логике, исключительно продуктом мозга, он заставляет чувствовать тело до последней мышечки и су огульца, как никогда наяву. Наяву же подобная плотность и эротика

жа дой немедленного семяизвержения

существующий хозяин держит город в виде когда он его принял — сохраняя в видимости пешехода даж снесенные здания: после его исчезновения город моментально теряет все свои поте и, перстывая в горд представляемый следующим хозяином — ли о дрожит некоторое время — и неинтересен — пока таковой хозяин не объявился — так звезды над центральной улицей уже не видны, хотя несколько из них еще болтаются на проводах

либо время и хозяев нет: время, таким образом, отпускается кантами или спичечными коробками

возможность личных чум/мучений

птицы и рыбы: переход грани ы плотностей сред из всех стихий необжит лишь огонь — либо следует признать это нево можность наблюдений. — поскольку он в меньшинстве — следует признать отсутствием наблюдений и протянуть ниточку эволюции и куда-то туда. пятая стихия — сна — обжитая куда гуще, чем все кроме огня: кроме саламандры профессионализм реа изации вещества — конкретно присущего дан ому носит лю: чистота линий — спектральных

*Все замкнуто, но не может
/или не может*

*Все равно все это — Шулц — прелюдия
Может текст не совсем ясно*

"Заново родился" — что имеет обыкновение говориться то ли после бани, то ли сменив семью, работу или почему то еще, означает, самим ходом родиться заново — умереть накануне. Точнее — умирать накануне, умереть и считать себя рожившимся. В этой вполне обиходной лексике, а, следовательно, и вполне обиходном происшествии есть что-то автоматическое: какой-то марксизм перехода количества в качество с откупориванием какой-то закрытой дверцы: мы подумаем еще, насколько это похоже на вырывание очередного зуба и на смежную — все же смежную, не конгруэнтную тематику кошачьих жизней; ! это, впрочем, и серьезней. Вернее так: будем думать сразу с двух сторон, с одной — о последовательности отстегивания очередных жизней / не важно, либо таки задано и процесс схож с выстреливанием в молоко каких-то тупорылых пулек, либо каждый такой отрыв мог бы и не быть, не задан, не положен и уменьшает человека на жизнь, как на орган зрения/. И с другой — со сторгни перехода количество в качество — что, видимо, может быть открыванием какой-то заслонки, под пороговым весом налегшего на нее количества. Второе — куда ближе к физиологии. Куда ближе — на первый взгляд, поскольку все одно — жизнь и физиологию не разнимешь, но пока об этой второй, другой стороне.

Скажем, парк. Если человек ходит через парк, сколько раз из своей ходьбы он его видит? Впрочем, это и не важно.

Это все потому, что "заново родился" как минимум если и не заново, то что-то увидел. Либо — возвращаясь к выстроенной выше хилой оппозиции либо жизнь отпала, тебя стало меньше и парк, скажем, скачком для тебя оказался больше чем сам он накануне. Все увеличивается кругом, ты один уменьшаешься. А второй случай — это, наверное, тоже самое что первый — только умереть не внезапно, но болея. То есть как бы естественным, бесцельным как бы путем, без этих вышеупомянутых пулек.

Возможно, при этом мы отстегиваем от себя куда-то истории. Не надо говорить, что это какие-то эрзацы отвалившейся жизни, ничего, конечно, подобного, но в самом деле — уже, пожалуй, путаются истории действительные и с присочиненными подробностями, все равно. Все это, впрочем, придает какую-то прочность чему-то.

История /с маленькой буквы/ не хочет никого, лишь себя. Это как вода в невесомости скручивается в шарики. Или на вошеном листе лежит тоже почти как шарик, линзочка — если на нее упадет луч солнца она санала прожжет лист под собой, лишь потом испарится. А на промокашку ее не хватит, так, какая-то оавльная сырость. Их, похоже, нельзя трогать. То есть, когда история, то нельзя быть собой, а то она всосется и не произойдет.

Есть ложное значение в в ысказывании.

Есть тайный смысл

А + Л

Нет своего сознания. Нет дерева, посаженного царем, сохранилась легенда. Все-таки это один из самых пустынных и петербургских парков, легенда породила пространственную пустынность. ~~вреди~~ Это и есть чужое сознание, приготовленный им образчик. А триумфальная арка построена свойскими ~~людьми~~ горожанами, вкус которых, наверно, определили не пышность и тожество момента, а его уместность: какое-^{триумф} в этом самоублажение. Для них арка памятник хорошего тона, а не лести.

Пространственная пустынность - это так немного, это вроде ямы, выкопанной в яме: тоже какая-то штука. Остаток от дерева гниет себя в земле, царь был большой любитель природы, насажал деревьев до черта, кончил плохо - врод, от сифилиса, деревья тоже сгнили, Триумфальная арка стояла вовсе в другом месте, парка тут, может, и не было, но церкви для него не рушили, а хлебокомбинат так всю жизнь стоял там, где стоит. Тайный смысл у нас не в дефиците и тем более не по карточкам, легенд можно напридумывать сколько душа /девственная/ пожелает, ну а торжество момента так и просто порнография.

А почему парк обладает способностью теряться. Например, Лайла не могла найти его без меня. В нем до сих пор сохранились незаасфальтированные дорожки, тв рдая песчаная почва с каменистой крошкой

Ну а что креститься, в конце-концов это что-то вроде надреза по телу, а ведь порезаться можно не только ножом, а и стекляшкой, трвой, страницей, наконец. На теле возникает каккая-то его привязанность, как привиться оспой, что-то сделавшая, вероятно, теперь просто привязанность, привязка, соотственно, к тому, что — хотя бы и так — что с тобой что-то уже сделал кто-то: неважно что, равно как и почти неважно, что какое-то время — после прививки — уже прошло.

Может быть, в случае крещения чужим сознанием. А в случае с моей девственной душой, непонятно чьим и спросить не у кого. Ведь это представляет собой метафору: мне сейчас так кажется, что по ощущению крещение суть одно с детским опытом растворения, выхода за пределы себя и концентрации на выходе.

В случае диктата, а чужое сознание диктат, задается образ, символ ~~механизма~~. Когда образ и подобие заданы, они очуждены. Быть на равных, наверное, быть воплощением. Я думаю, что только в детском воплощение может принадлежать, быть собственностью, ^{если} его утрачи ваешь, оказываешься равоплощенным чужим сознанием, либо оно ~~концентрируется~~ ты держишь его в руках, как некий приборчик.

Потом он исчез, то есть стали возникать его подробности: аллея, та, что из-под Триумфальных ворот, пруд раз — переделанный потом в во влажный латышский к июлю протухающий по всей поверхности мемориал, пруд два — тоже вполне поросший ряской и утками, там еще ловят рыбу — почему-то и зачем-то. Какие-то аллейки — их немного, поскольку и сам парк довольно невелик, корты с одной стороны, порт да трамвай с другой, хлебокомбинат с третьей, дома с четвертой; !какое-то дерево, останок того, точнее, усаженной тут Петром Первым — за оградкой тепшрь, в каком-то меморийным камнем. нелепо, должно быть, выглядел император на виду у окрестностей /зрители высыпали в окна всех шести этажей, на императоре красненькая рубашоночка, с порта ввет зйд, с хлебокомбината пахнет то дрожжами то свежеспеченным хлебом — там два цеха — игде тесто делают и сама пекарня; странно впрочем, жит возле парка, над парком — иметь под собой участок почвы — деревьев-то сверху не видно — меняющий фактуру и цвет, довольно, впрочем, одного лишь постоянного изменения цвета квадрата под окнами. Ктоттут кого крестит? Кто тут девственен почему? Да, по улице вдоль Триумфальных ворот в праздники на парады ездили /кажется уже нет?/ всякие военные машинки. С ракетами, дулами, чуть ли не гусеницами по бульжнику, утки же появились в парке сравнительно недавно, как и во всем городе. Чужое сознание, это вроже чужой жизнь, в общем, галантерея какая-то; и что мы можем поделать со своим сознанием свом сознанием? самоублажение какое-то получится, и ладно.

Я некрещеная, и недавно у меня был повод пожумать — стоит ли креститься

Я некрещенная, и когда вижу знакомых, совершающих подобный акт по зрелом возрасте, мне непонятно, неужели в детстве ими не переживалось "новое рождение". Кажется, я сходно могла бы назвать несколько мест в Риге, которыми ~~отмечены~~ ~~воспоминания~~ отмечено